

Иеросхимонах Антоний (Булатович)

**Моя борьба с Имяборцами на
Святой горе**

**С 5-ю портретами иноков
исповедников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б90

Б90 **Булатович А.**
Моя борьба с Имяборцами на Святой горе: С 5-ю портретами иноков исповедников / Иеросхимонах Антоний (Булатович) – М.: Книга по Требованию, 2012. – 178 с.

ISBN 978-5-458-10579-8

ISBN 978-5-458-10579-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ІЕРОСХИМОНАХЪ АНТОНІЙ (БУЛІАТОВИЧЪ)

I.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1915 г. было помѣщено повѣствованіе объ аеонскихъ событіяхъ 1912 г., озаглавленное «Черный бунтъ»; въ мартовской же книжкѣ 1916 г. была помѣщена статья, озаглавленная: «Имябожническій бунтъ». Первая статья была написана г. Косвинцевымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ. Интересуясь аеонскими событіями, онъ неоднократно посѣщаль меня, бесѣдовалъ со мной, и я давалъ ему пользоваться нѣкоторыми документами. Бесѣдовалъ онъ также со многими иноками, вывезенными архіепископомъ Никономъ со Святой Горы. Но все же въ его описаніи аеонскихъ событій имѣется много неточностей. Авторъ другой статьи, монахъ Климентъ, былъ на Аеонѣ однимъ изъ главарей той партіи «имяборцевъ», съ которой я боролся за честь и славу имени Господня. Его статья, написанная, по его словамъ, «во имя правды» и съ цѣлью «поставить рядомъ съ картиной г. Косвинцева другую картину на одинъ съ нею сюжетъ»,—еще болѣе неточно выражаетъ истинный ходъ событій и проникнута тенденціозностью. Цѣль монаха Климента убѣдить читателя, что событія, которыя произошли на Аеонѣ,—это плодъ агитаціи іеросхимонаха Антонія и бунтъ противъ законной игуменской власти. О. Антоній якобы прельстился еретической книгой схимонаха Иларіона: «На горахъ Кавказа» и, прельстившись, увлекъ въ ту же ересь братьевъ скита. Но въ описаніе о. Климентомъ исторіи аеонской смуты съ цѣлью будто бы возстановить искаженную въ печати имябожниками истину аеонскихъ безпорядковъ и обличить имябожниковъ въ ихъ бунтовщическихъ на Аеонѣ дѣяніяхъ» вошли тенденціозныя искаженія и умолчанія, что вынуждаетъ меня выступить съ обличеніемъ о. Климента въ его неправдѣ. О пристрастности и тенденціозности описаній монаха Климента свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, самое заглавіе, которое онъ далъ своему труду: «Имябожническій бунтъ или плоды

ученія книги «На горахъ Кавказа», ибо то, что произошло на Святой горѣ въ 1912—1913 г.г., никакъ нельзя назвать «бунтомъ», а, во-вторыхъ, поднявшееся волненіе произошло не по винѣ книги «На горахъ Кавказа», а по винѣ агитаціи тѣхъ аѳонскихъ иноковъ, которые стали проводить среди братіи мысль, что Имя Господне есть номинальное, простое собственное человѣческое имя, одинаковое съ именами разныхъ другихъ «Иисусовъ» и безсильное въ божественныхъ дѣйствіяхъ.

Бунтомъ, какъ извѣстно, называется возмущеніе подчиненныхъ людей противъ поставленной надъ ними законной власти, отъ которой они желаютъ избавиться, но не могутъ сдѣлать этого иначе, какъ путемъ насилія. Но на Аѳонѣ и въ Андреевскомъ скиту игумень выбирается самой братіей, причемъ статья 4-я устава Андреевскаго скита гласитъ, что братія въ случаѣ недовольства своимъ игуменомъ имѣеть право смѣнить его простымъ большинствомъ голосовъ. Итакъ, могъ ли быть какой-нибудь бунтъ при этихъ условіяхъ? Разъ братія имѣеть возможность, въ случаѣ недовольства своимъ начальствомъ, смѣнять его, то для чего же ей бунтовать?

Такъ на самомъ дѣлѣ и было: возмущенная имяборческими выходками своего игумена, братія Андреевскаго скита рѣшила смѣнить его и, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, низложила его большинствомъ 302 голосовъ противъ 70, но игумень Иеронимъ, не желая разставаться съ властью, прибѣгъ ко всякимъ проискамъ, доносамъ и клеветамъ и достигъ того, что, съ одной стороны, убѣдилъ посольскую власть въ Константинополѣ, что недовольство противъ него братіи есть бунтовщическое дѣло, требующее вмѣшательства власти и употребленія силы для подавленія его, а, съ другой стороны, оклеветалъ братію передъ греческою церковною властью въ ереси, приписавъ ей такія богохульные мнѣнія о Имени Господнемъ, которыхъ братія никогда не выражала. Наконецъ достигъ вмѣшательства въ аѳонское дѣло и россійской синодальной власти и такимъ образомъ цѣною изгнанія большинства братіи скита, цѣною поправанія монастырскаго устава и всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ справедливости удержалъ свою игуменскую власть. Главнымъ его сподвижникомъ и вдохновителемъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ былъ тотъ самый монахъ Климентъ, который нынѣ выступилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ цѣлью «возстановить искаженную имябожниками истину» и нарисовать «другую картину», нежели ту, которую нарисовалъ г. Косвинцевъ, и другими красками «на тотъ же сюжетъ». Какова эта картина, каковы краски и каковъ сюжетъ,—читатель увидитъ ниже.

Итакъ, во-первыхъ, о. Климентъ приписываетъ вину всего богословскаго спора книгѣ о. Иларіона и говоритъ, что начало бо-

гословскимъ спорамъ на Аѳонѣ положили ѳиваидскіе пустытники, которые, прельстившись «ересью» Иларіона, стали проповѣдывать ее на Аѳонѣ и повели «агитацію» противъ тѣхъ, которые не соглашались съ ихъ мнѣніемъ. Но такъ ли это? ѳиваидскіе скитяне представляютъ собою дисциплинированную, убогую, смиренную, кроткую и молчаливую братію, совершенно неспособную къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя ей приписалъ о. Климентъ. Часть этой братіи живетъ общежительной жизнью въ самомъ скиту и проводитъ время въ трудѣ на разныхъ послушаніяхъ, выстаивая долговременныя аѳонскія богослуженія, весьма мало интересуюсь какими-либо богословскими вопросами, Эта часть братіи, за весьма малыми исключеніями, книги о. Иларіона не читала. Другая часть братіи живетъ внѣ скита въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга каливахъ, уединенно, безмолвно, трудясь на своихъ рукодѣліяхъ; всю недѣлю безвыходно пребываетъ по своимъ каливамъ, а наканунѣ праздниковъ, отслушавъ обѣдню и пообѣдавъ въ трапезѣ, молчаливо возвращается по домамъ. Среди этихъ иноковъ есть выдающіеся подвижники, весьма начитанные въ святоотеческой литературѣ, есть искусные дѣлатели Иисусовой молитвы; большая часть изъ нихъ люди престарѣлые,—и, такимъ образомъ, и эта часть не была способна осуществить тѣ агитаторскія дѣйствія, какія ей приписалъ о. Климентъ. Среди этихъ иноковъ было нѣсколько человекъ, которые читали книгу о. Иларіона; эта книга имъ весьма понравилась, ибо въ ней о. Иларіонъ изложилъ то самое ученіе о молитвѣ Иисусовой, которое они искони познали изъ святоотеческихъ твореній. Итакъ, возможно ли было ждать какой-либо агитаціи отъ этихъ иноковъ, если бы даже на самомъ дѣлѣ они прельстились ересью Иларіона? Эта ересь могла бы остаться только въ нихъ самихъ, ибо, не имѣя общенія другъ съ другомъ, не имѣя возможности учить и проповѣдывать, какъ могли они прельстить иноковъ на Святой Горѣ? Очевидно, что утвержденіе о. Климента ложно, и причину волненія надо искать въ другихъ и въ другомъ. Въ дѣйствительности виною аѳонской смуты явилась не книга о. Иларіона, а статья инока Хрисанфа, написанная противъ книги о. Иларіона, въ которой тотъ опровергалъ издавна существующія святоотеческія мнѣнія о молитвѣ Иисусовой и о Божественномъ достоинствѣ и Божественной силѣ Имени Господня и тѣмъ возмущилъ простецовъ, безмолвниковъ, молитвенниковъ и старцевъ ѳиваидскихъ. Вотъ гдѣ первый поводъ къ аѳонской смутѣ. Затѣмъ эта смута разрослась въ большое возмущеніе, когда среди аѳонитовъ явились агитаторы тѣхъ мнѣній, которыя высказалъ инокъ Хрисанфъ. Таковыми были высокообразованные иноки о. Алексѣй Кирѣевскій, іеромонахъ Ѳеофанъ и др., которые прельстились рационалистическими мнѣніями о Имени Иисусовомъ, что

это имя есть простое собственное имя человѣческое, одинаковое съ прочими человѣческими собственными именами, и потому не можетъ имѣть того первостепеннаго значенія въ молитвѣ Иисусовой, какое ему придаетъ о. Иларіонъ, и отнюдь не можетъ якобы быть называемымъ—Самимъ Богомъ. Вотъ эта-то проповѣдь мнѣній, впервые высказанныхъ инокомъ Хрисанеомъ и дѣятельно распространяемая о. Алексѣемъ Кирѣвскимъ, и вывела изъ состоянія глубокаго покоя аеонское вѣрующее простое иночество. Простецы иноки стали смотрѣть на проповѣдниковъ этой новой имяборческой ереси о. Хрисанфа и его единомышленниковъ, какъ на еретиковъ, начали сторониться отъ нихъ, уходить изъ церкви, гдѣ служили эти лица, перестали принимать отъ нихъ благословенія. Но сторонники о. Хрисанеа были весьма вліятельны на Аeonъ, имѣли связи съ російскими духовными сферами: Ихъ открыто поддерживалъ архіепископъ Антоній Храповицкій. Не мудрено поэтому, что на ихъ сторонѣ оказалось монастырское начальство Оиваиды. Начались репрессіи, которыя и содѣйствовали усиленію проповѣди имяславія и обличенію имяборчества. О. Кирѣвскій проповѣдывалъ ересь, пустынники защищали вѣру православную во Имя Господне, а начальство становилось на сторону «еретиковъ» и налагало кары на всѣхъ подвижниковъ и пустынниковъ. Изъ сказаннаго ясно, что утвержденіе о. Климента, будто оиваидцы, прочитавъ книгу о. Иларіона, стали бѣгать по Святой горѣ, агитировать и всѣхъ принуждать принимать «этотъ новый догматъ», расходится съ истиной.

Такъ же произвольно и невѣрно названіе исповѣданія Божественнаго достоинства и Божественной силы Имени Господня—«новымъ догматомъ». Этотъ догматъ: «Имя Божіе—Самъ Богъ, Имя Господа Иисуса Христа—Самъ Господь Иисусъ Христосъ»—далеко не новый. Еще въ VII вѣкѣ его высказалъ св. Григорій Синаитъ, говоря, что «молитва есть Богъ дѣйствующій вся во всѣхъ», а во II вѣкѣ св. Іустинъ Философъ сказалъ о Божественныхъ истинахъ Божественнаго откровенія, что—«истина есть Богъ». Въ XI вѣкѣ св. Симеонъ Новый Богословъ, раскрывая тайну Божества Именъ Божіихъ, выразилъ ясное ученіе въ своемъ 62-мъ словѣ объ Именахъ Божіихъ, говоря, что эти имена, будучи словами текучими и простыми, когда они относятся не къ Богу, суть Свѣтъ свѣтодѣйственный и Богъ истинный, когда они относятся къ Господу Богу. Это самое выразилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій словами: «Имя Божіе есть самъ Богъ». Это самое высказалъ св. Тихонъ Задонскій, говоря, что—«Имя Божіе Свято само въ себѣ и заключаетъ въ себѣ Божественныя свойства»; это самое высказалъ епископъ Игнатій Брянчаниновъ, говоря, что сила молитвы Иисусовой заключается въ силѣ призываемаго и исповѣдываемаго Имени Господа Иисуса Христа. Эту самую истину высказывали и дру-

гіе святые и учителя Церкви, ее повторилъ схимонахъ Иларіонъ, престарѣлый подвижникъ кавказскій. Книга его, изданная впервые съ разрѣшенія духовной цензуры въ 1907 г., была затѣмъ повторена. Въ 3-й разъ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ она была издана Кіевской Печерской лаврой.

Итакъ, не ясно ли, что не положительное ученіе о: Иларіона было виною смуты, но отрицательное ученіе инока Хрисанеа возбудило споръ и вывело изъ инертности кроткую, послушную, не мудрствующую черную массу? Было это такъ: ревность нѣкоторыхъ властныхъ аеонитовъ къ славѣ своей обители и зависть ихъ къ возрастающей славѣ Кавказа, которая возрастала благодаря книгѣ о. Иларіона и привлекала вниманіе христіанскаго міра къ пустынямъ кавказскимъ, боязнь того, чтобы это не отвлекло благочестивыхъ искателей спасенія отъ горы Аеонской—на Кавказъ, а за ними и щедрыхъ жертвъ христіанскихъ жертвователей, наконецъ личные счеты заправили Пантелеймоновскаго монастыря духовника Агаѳодора—вотъ причина возникновенія на Аеонѣ агитаціи противъ книги о. Иларіона. Агитація началась съ раскритикованія книги о. Иларіона по инициативѣ инока Хрисанеа. Универсантъ Хрисанеъ поселился на Аеонѣ въ 1881 г., убѣжавъ изъ Россіи вслѣдствіе принадлежности своей къ нигилистамъ. Здѣсь онъ скрылся подъ другой фамиліей въ Ильинскомъ скиту. Къ нему-то и обратился духовникъ Агаѳодоръ, чтобы написать возраженіе на книгу о. Иларіона. Инокъ Хрисанеъ, взявшись за предложенную ему критику, остановился, во-первыхъ, на словахъ о. Иларіона: «Имя Божіе,—есть Самъ Богъ», или еще, какъ выражается о. Иларіонъ: «Имя Божіе въ молитвѣ—есть какъ бы Самъ Богъ для молящагося»,—и въ эту глубокую тайну христіанства вонзилъ присущій ему рационалистическо-скептическій скальпель. Рецензія инициаторомъ аеонской смуты о. Агаѳодоромъ была передана на просмотръ маститому еиваидскому старцу-схимнику Мартиніану. Послѣдній былъ весьма начитаннымъ инокомъ, выдающимся подвижникомъ, пользовавшимся уваженіемъ у пустынниковъ скита, и, естественно, онъ возмущенъ былъ кощунственной рецензіей. Возмутились ею и другіе пустынники, ознакомившись съ рецензіей въ рукописи, что высказали о. Агаѳодору. Однако о. Агаѳодоръ не принялъ во вниманіе ихъ мнѣній и не только не остановилъ распространенія этой рецензіи, но напечаталъ ее съ благословенія архієпископа Антонія въ «Русскомъ Инокѣ». О. Иларіонъ на эту «рецензію» отвѣтъ свой озаглавилъ «Рецензія на рецензію» и приложилъ его ко второму изданію своей книги «На горахъ Кавказа».

У инока Хрисанеа появился весьма дѣятельный проповѣдникъ его идей въ лицѣ о. Алексѣя Кирѣевскаго. Происходя изъ хорошей и богатой дворянской семьи Орловской губерніи, пройдя

нѣсколько курсовъ университета и одинъ или два курса духовной академіи, онъ покинулъ мѣръ и пріѣхалъ иночествовать на Аѳонъ. Здѣсь ему понравилась пустынная еиваидская мѣстность, гдѣ онъ себѣ построилъ небольшую иноческую келью, вѣрнѣе, виллу, и благодумствовалъ, но не подвизался, занимаясь болѣе чтеніемъ, чѣмъ молитвою, и болѣе развлеченіемъ и посѣщеніемъ другихъ обителей, чѣмъ безмолвнымъ уединеніемъ. Во время одного изъ своихъ скитаній по пустыннымъ каливамъ скита онъ посѣтилъ одного подвижника, дѣлателя Иисусовой молитвы, въ день его ангела. Пустыльникъ гостепрѣимно угостилъ его, чѣмъ могъ, и вотъ во время бесѣды съ пустынникомъ о. Алексѣй завелъ рѣчь о молитвѣ Иисусовой, о книгѣ о. Иларіона, и дерзко высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Ну что такое имя Иисуса, что о. Иларіонъ придаетъ ему такое значеніе въ Иисусовой молитвѣ?.. простое человѣческое собственное имя, какъ и другія имена человѣческія». Эти слова покоробили благоговѣйнаго инока, смутили его, и онъ попросилъ о. Алексѣя оставить его и удалиться изъ его келіи. О. Алексѣй ушелъ, но своей проповѣди не прекратилъ и сталъ высказывать свои мнѣнія объ Имени Иисусовомъ и передъ другими братьями скита. Это повело къ тому, что стали смотрѣть на него, какъ на еретика, перестали брать отъ него благословеніе, начали отказываться служить съ нимъ вмѣстѣ литургію. Вотъ тогда-то и началось то, о чемъ говоритъ о. Климентъ, что иноки еиваидскіе «забѣгали по Святой Горѣ». Но «забѣгали они»—не ради агитаціи, а для того, чтобы успокоить свой смущенный духъ, возмущенный отрицаніемъ Божества Имени Господня, которое они услышали изъ устъ о. Алексѣя Кирѣвскаго. Къ кому же побѣжали иноки? Побѣжали они къ уважаемымъ подвижникамъ; побѣжали къ людямъ, извѣстнымъ своей начитанностью, своимъ образованіемъ на Аѳонѣ, чтобы сообщить имъ и пожаловаться на то, что они услышали отъ о. Алексѣя. Но подвижники простецы аѳонскіе не нашли у высокообразованныхъ иноковъ того, чего искали, ибо высокообразованные иноки оказались единомышленниками съ о. Алексѣемъ, и споръ распространился. Тогда иноки обратились къ монастырскимъ властямъ съ жалобами на неслыханныя до толѣ мнѣнія, но тѣ, не имѣя ни достаточнаго духовнаго опыта, ни богословской образованности, и, кромѣ того, подстрекаемые Агаѳодоромъ, положились на мнѣніе образованныхъ единомышленниковъ о. Хрисанпа и о. Алексѣя и не дали должнаго разрѣшенія начавшемуся спору. Отъ этого смута еще больше увеличилась. Ревнующій не по разуму и оскорбленный отношеніемъ къ нему простецовъ и необразованныхъ пустынниковъ, которыхъ онъ называлъ «лапотниками», «сухарниками», о. Алексѣй сталъ писать своему покровителю архіепископу Антонію Храповицкому, представляя ему всю начавшуюся смуту въ своемъ освѣщеніи и

оклеветывая пустытниковъ, которые якобы обожествляютъ самые звуки и буквы имени «Исусъ», въ отвлеченіи отъ Бога. Давъ вѣру этой клеветѣ, архіепископъ Антоній письменно похвалилъ о. Алексѣя за его ревностную проповѣдь (вопросъ: чего?—увы, не вѣры, но невѣрія во Имя Господне), утѣшалъ его «въ переносимыхъ имъ ради этой проповѣди обидахъ и скорбяхъ, причиняемыхъ ему темными, необразованными фанатичными мужиками-еиваидцами, и поощрялъ его продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ духѣ.

Таково истинное начало смуты. Читатель можетъ видѣть, какъ несогласно съ правдой и насколько тенденціозно утвержденіе о. Климента, будто во всемъ виновата книга «На горахъ Кавказа», и какъ ложно то, что онъ рассказывалъ, что будто бы, «усвоивъ ученіе о. Иларіона, помянутые иноки стали распространять его въ своемъ скиту въ Еивайдѣ. Первое время пропаганда не имѣла успѣха, такъ какъ изъ среды еиваидцевъ выступили противники этого новаго ученія, вслѣдствіе чего' начались въ скиту религиозные пререканія и споры. Имябожники повели противъ противниковъ своихъ агитацію: злословили ихъ всюду и отъ всѣхъ требовали бѣгать отъ нихъ, какъ отъ заразы»... И затѣмъ о. Климентъ добавляетъ: «такимъ образомъ получилось начало насилія».

Но и это неправда. Начало насилія произошло совсѣмъ не такъ. Еиваидцы тутъ не при чемъ. Начало послѣдовало отъ заправилъ Пантелеймоновскаго монастыря, духовника Агаѳодора и покорнаго ему игумена Мисаила. И на самомъ дѣлѣ, какое насиліе могли бы примѣнить подначальные скитяне къ властнымъ имяборцамъ: о. Алексѣю, о. Хрисанѳу, о. Теофану, о. Агаѳодору и къ другимъ. О. Хрисанфъ пребывалъ въ другой обители. О. Теофанъ жилъ на другомъ концѣ Аѳона самостоятельно и былъ недосыгаемъ для пустытниковъ еиваидскихъ. И тѣмъ болѣе недосыгаемъ былъ для пустытниковъ дѣйствительный глава всего Пантелеймоновскаго монастыря о. Агаѳодоръ. Можетъ быть, о. Климентъ называетъ насиліемъ то, что пустытники стали сторониться о. Алексѣя и бѣгать отъ него, и осуждать его мнѣнія предъ другими, но это насиліемъ назвать никакъ нельзя. Нельзя назвать эти дѣйствія ни пропагандой, ни агитаціей, которая велась бы якобы пустынниками по какому-то заранѣе обдуманному плану, ибо это было всецѣло стихійнымъ проявленіемъ оскорбленнаго духовнаго чувства каждаго. Каждому благочестивому простецу казалось грѣшнымъ брать благословеніе во Имя Господне отъ того лица, которое завѣдомо хулило Имя Господне, и для ихъ духовнаго чувства тягостнымъ ощущалось присутствованіе за божественной литургіей, которую служилъ хулитель. Однако во всѣхъ прочихъ сношеніяхъ съ о. Алексѣемъ иноки не позволяли себѣ никакихъ дерзостей и не наносили ему никакихъ оскорбленій. Но гдѣ же настоящее начало насилія? Начало

насилія произошло тогда, когда о. Агаѳодоръ побудилъ игумена Мисаила начать репрессивныя дѣйствія противъ тѣхъ, которые отказались брать благословеніе у о. Алексѣя или отказывались отъ сослуженія съ нимъ. Вотъ тутъ-то и началось истинное насиліе со стороны мощныхъ и властныхъ игуменовъ, поощряемыхъ къ тому же архіепископомъ Антоніемъ Храповицкимъ. И вотъ начались изгнанія изъ скита, запрещенія священнослуженія, отлученія отъ св. причастія, наложеніе разныхъ дисциплинарныхъ взысканій. Такъ, напримѣръ, іеродіаконъ Маринъ за то, что отказался въ Великомъ посту 1912 года служить вмѣстѣ съ о. Алексѣемъ былъ отлученъ игуменомъ Мисаиломъ на 3 года отъ священнослуженія, лишенъ права носить куколь и переведенъ на низшее послушаніе на кухню. За 1911 годъ было удалено или вынуждено къ удаленію изъ скита 8 лицъ за несогласіе въ мнѣніяхъ съ отцомъ Алексѣемъ. Но гдѣ же тѣ насилія со стороны имяславцевъ, о которыхъ говоритъ о. Климентъ? Пусть укажетъ хоть одно. Въ дѣйствительности и инициаторами аеонской смуты, и пропагандистами «новаго догмата», и агитаторами, отнявшими миръ у Святой Горы, и насильниками, и злыми клеветниками, злословящими убогихъ иноковъ еиваидскихъ, явились аеонскіе имяборцы, а не имяславцы; явилась кучка лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ власть въ союзѣ съ высокообразованными интеллигентами и полубразованными полуинтеллигентами аеонскими, и эта сторона, въ противность утвержденію о. Климента, явилась стороною нападающей, имяславцы же, безправные, убогіе и малообразованные въ свѣтскихъ наукахъ, но глубоко начитанные въ святоотеческихъ книгахъ и опытные въ подвигѣ молитвы,—явились стороною обороняющейся, каковой они суть и доселѣ.

II.

Несуразно и противоположно истинѣ объясненіе о. Климентомъ происхожденія аеонской смуты вообще и объясненіе его обо всемъ, что произошло затѣмъ въ Андреевскомъ скиту, чему онъ придаетъ характеръ бунта, поднятаго мною.

До обостренія дошелъ споръ въ Еивайдѣ къ Пасхѣ 1912 года. Въ теченіе трехъ лѣтъ, что продолжался споръ, я никакого участія въ немъ не принималъ, и даже не былъ знакомъ съ ближайшими дѣятелями спорящихъ сторонъ, ибо жизнь я велъ весьма замкнутую, безмолвную, одинокую, всецѣло былъ занятъ своимъ подвигомъ, за ограду обители никогда не выходилъ, и не только не зналъ ни лицъ, ни дѣлъ другихъ обителей, но даже и въ своей обители многихъ иноковъ не зналъ по имени, держа себя совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ дѣлъ. Не зналъ я также и того, что дѣлается на бѣломъ